ОБЩЕСТВО

Безумный вечер, или «Женитьба» с правительством

О посещении российскими властями спектакля Театра «Ленкома», поставленного Захаровым Марком Анатольевичем по пьесе французского драматурга Пьера Огюстена Карона де Бомарше

РЕПОРТЕР. Москва... Улица Чехова. Седьмой час вечера. Как всегда — «стреляют». Но сегодня с бы-стрыми к «Ленкому» совсем иное. Тут и сама «Юнона» на «авось» не подвернется: улица со стороны Садового «тайниками» перекрыта, после театра какие-то крутые ребята прогуливаются, у каждого в уже наушнике, такое ощущение, что теперь здесь уже не «Ленком», а театр мимики и жеста. На самом деле — премьера «Женитьбы Фигаро»...

«Ехай! Ехай! — кричит «тайник» одному из растерянных зрителей, — не видишь, нельзя здесь машину ставить!»

«А где можно?» — озирается водитель-зритель.

«Где охраны нет. Вон в переулке «Российская казна», там и поставь...»

Одним из первых появляется в театре Рудольф Александр Владимирович, вице-президент России (с супругой). К нему привычно примыкает Михаилов Игорь Сергеевич, кинорежиссер (с супругой). Далее возникают разные министры и вице-премьеры. Один министр другому (шуто): «И ты здесь?!»

Действие № 1

Владимир ШУМЕЙКО, первый вице-премьер, — репортеру. Для меня сегодня был тяжелейший день, масса проблем. Мы сюда пришли прямо с заседания президиума, где разбирались такие серьезные вещи, как призывы в армию, охрана границ и прочее. И так необычно после всего этого очутиться здесь, но я как-то сразу переключился...

РЕПОРТЕР. С первых взмахов палочки дирижера — на сцене грянула бомба. Крутые ребята из службы охраны иухом не повели, видно, были предупреждены, что это не у нас в России грянет, а как бы в замке Атуас Фоссас, в трех милях от Сенлиса.

ФИГАРО (что-то по-французски).

Андрей КОЗЫРЕВ, министр иностранных дел (смеется)...

ФИГАРО (догадались, что в зале есть люди, свободно владеющие другими языками мира, переходит на русский). Это самая удобная комната то всем замке!

РЕПОРТЕР (не вслух). Или это говорил Марк Анатольевич, когда проводил гостей в свой кабинет?.. А спектакль (уже вслух) набирает обороты, пружина интриги закручивается все туже! На сцене возникает Базиль, к его голове тоже пристроен не то наушник, не то микрофон. Неискушенная (меньшая) часть зрительного зала начинает думать, что это тоже человек из службы безопасности правительства. Но как, шельма, играет, как поет!

Действо уже в разгаре, когда вдоволь ребят начи ают разбираться в ситуации Шахрай и Фигаро. Их нежливо пропускают на свободные места — совсем видеи демократия театра: здесь за кресла не держатся.

ГРАФИНЯ (в волнении). Вас ожидают новые обязанности, исполняйте же их добросовестно. Покажите, что вы достойны чести, которую вам оказал ваш благодетель. Вспоминайте этот дом, где все были так снисходительны к вашим молодым детям. Кто знает, что станется с мальчиком из этом опасном поприще...

Егор ГАЙДАР (спокойно). Для меня это не политический спектакль. Сейчас уже не политический. То есть его можно, конечно, прекрасно приложить к современности, провести все параллели между наворовавшейся буржуазией в постфеодальном и постсоциалистическом обществе... Но спектакль прежде всего очень захватывающий, конечно.

РЕПОРТЕР (наболевшее). **Вы бы взяли Фигаро в правительство?**

ГАЙДАР (великодушно). От... Он существенно усилил бы правительскую команду.

ФИГАРО (в сторону). Теперь моя очередь (вслух). Вы, ваше спектакля, изволили произвести меня в правители замка — это премиляя должность. Правда, я не буду курьером, который доставляет новоиспеченцуие новости...

Сергей ФИЛАТОВ. Интересная философская ассоциация с тем, что происходит сегодня. И всех мучает вопрос, чем это кончится. На сцене все красиво показано. Для того, чтобы все так кончилось и в жизни.

РЕПОРТЕР (пытается применить вульгарный социологизм). В жизни такие же интриги?

ФИЛАТОВ. На сцене они просто лучше видны. Сколько будет жить пьеса, столько все это будет. На каждую эпоху нужен свой Пикеиир.

РЕПОРТЕР (ревниво). И Бомарше! Скажите (снова не унимается), в нашем правительстве такие Фигаро есть?

Андрей ЧЕЧЕВ. В правительстве процентов Фигаро нет, но пятьдесят — точно есть.

РЕПОРТЕР. Ну, а таких, как граф?

ЧЕЧАЕВ. Это как раз вторая половина.

РЕПОРТЕР (ошарашенный процентом графов в правительстве). А вы в театр-то ходите?

ЧЕЧАЕВ. Сейчас, к сожалению, нет. У меня так сложилось, что, когда я приезжу с работы домой, какой там театр, телевизор мигает с пробкой его выключить. В студенческие годы, конечно, ходил. Я вырос на Таганке. Это был мой театр. Сейчас, если я попадаю, то, скорее, в какую-нибудь римскую или венскую оперу — по протоколу.

РЕПОРТЕР. Кстати, о протоколе. Помните, как раньше было... Сталин, мягко говоря, любил с кем-нибудь из интеллигентов покалякать. Он большие писателей слушать любил. Берия — тот артистов. Хрущев, сами знаете, тоже тепло с интеллигенцией встречался... А сейчас всё наоборот — интеллигенции, театр шлут власть к себе. Думаете, заигрывают?

ГРАФ. Хвало за усердие, ступай. А вы (обращается к Базилю) будете сопровождать этого господина и дорогой развлекать его игрой на гитаре и пением: он тоже принадлежит к моему обществу...

НЕЧАЕВ. То, что нас пригласили, — это нормальный человеческий поступок. Да и потом, как дело было. У нас в три началось очень тяжелое заседание правительства, и где-то после шести выяснилось, что все, оказывается, собрались в театр, но втайне друг от друга. Началось какое-то украдкое, люди по очереди выбегали, звонили домам, договаривались, кто какой на машине подхватит. Мне кажется, это был экспромт. Можете мне поверить, это не была запланированная и уж тем более пропагандистская акция. По-моему, каждый решил для себя устроить маленький праздник.

РЕПОРТЕР (чувствуя, что он информирован лучше правительства, обращается к министру культуры Евгению Сидорову). Почему вы, Евгений Юрьевич, решили пригласить правительство именно на этот спектакль?

Евгений СИДОРОВ. Потому что в этом спектакле совершенно не было политики. Потому что Захаров пошлался из политической пьесы создать здоровое зрелище. Его спектакль не адекватен пьесе Бомарше. Веселое, я бы сказал, терапевтически действующее на замороженного человека действо.

РЕПОРТЕР (подсказывает). То есть вы ставили своей целью, чтобы они отдохнули и, почувствовав себя людьми, а не членами правительства?

СИДОРОВ. Точно! Я хотел, чтобы жены их отдыхали. Чтобы они пришли в театр, чтобы их встретили. Часто их жены наших членов правительства бывают в театре, на выставках? Я знаю — редко. Поэтому я решил это сделать, и будем так делать дальше. Необязательно театр! Если хотите, все это — культмасовая работа министра культуры.

ФИГАРО. Большое спасибо,

Антракт

Юрий ДАНИЛИН, зритель. Господи, правительство — столько романтики... Устроили театр...

Жора Гайдаров (кому-то из министров). Может, не видно?

ОХРАННИК (репортеру). Что вы здесь мельтешите с диктофоном? Дайте людям отдохнуть.

Действие № 2

РЕПОРТЕР. Начало второго действия было ознаменовано горячими аплодисментами. Непосвященные стали оглядываться по сторонам. Многие подумали, что приехал либо президент, либо премьер-министр. А это вошел в зал Марк Анатольевич Захаров, чаен Президентского совета.

МАРСЕЛИНА. Милый мой!

Пьер БОМАРШЕ. Порока, заслуживающего уважения — вот что не меняется, и надеяет на себя всевозможные личины, подлизываясь под общий тон: сорвать с порока личины, выставить пороки во всей их наготе — такова благородная цель человека, посвятившего себя театру. Порчает ли он смесь, плачет ли он ночью... — это его единственный долг.

РЕПОРТЕР (пытается приватизировать неожиданно минуту государственного времени Чубайса). Как вы считаете, почему Захаров сегодня поставил именно «Фигаро» — не публицистику не мелодраму, а фарс?

Анатолий ЧУБАЙС. Мне кажется, это его язык, которому он верен. В этом и есть главная ценность. В будущем изменяющемся мире, где каждый месяц приносит что-то новое и неожиданное, Захаров говорит на своем языке.

РЕПОРТЕР. Извините за назойливость. А вот то соотношение интриги и политики, которое существует в пьесе, оно есть и в реальности, скажем, в деятельности нашего правительства?

ЧУБАЙС (уклончиво). Жизнь богаче, разнообразнее.

РЕПОРТЕР. А вам лично нравится интриговать или вы этим занимаетесь по необходимости?

ЧУБАЙС. Ну, вы знаете, в каком-то смысле вообще вся политическая деятельность — большая интрига. Если же интрига становится самоцелью, тогда лучше заняться каким-нибудь другим делом, а не политикой.

РЕПОРТЕР. Вот вы сейчас занимаетесь приватизацией. А не боитесь, что, например, этот театр какой-нибудь кооперативу куплет без скидки?..

ЧУБАЙС. Уже в самом нашем вопросе звучит советский стереотип.

ФИГАРО. Прежде всего умерим его апиетиты насчет нашей собственности, всегда в него подворчите, что на его собственность, посягаете.

РЕПОРТЕР. Не обернется ли все обретение крупными потерями, когда дело касается таких вещей, как театр, вообще — культура?

ЧУБАЙС. Но не может быть никакой культуры вне рыночной экономики. Как ни крути, но все-таки нужно сначала сделать ее здоровой. И может быть, не сразу, через болезненные ощущения, но в итоге на здоровом теле вырастет здоровая культура.

РЕПОРТЕР. Какая театральная школа вам ближе — скажем, советско-российская или захаровская?

ЧУБАЙС. Я должен признаться, со стыдом, конечно, что никогда особенно не любил БДТ. Его язык был для меня неродным. А родным был Ленинградский Малый драматический времени «Братьев и сестер», родной была малая сцена театра Ленсовета, любер «Комиссаржевку».

РЕПОРТЕР. А часто вам вообще удается ходить в театр?

ЧУБАЙС. Знаете, я за год не видел одного спектакля, из одного кинофильма, ни одной книжки не прочитал. Но вот прошел первый год работы, и я начал новую жизнь. Сейчас я довольно часто бываю в театре современной пьесы, с главным режиссером которого дружу, и считаю, что это один из лучших коллективов. Хотя не могу сравнивать, потому что не знаю остальных театров.

РЕПОРТЕР. Общий кругозор людей, с которыми вы работаете, вас устраивает? Грубо говоря, вам интересны эти люди?

ЧУБАЙС. Что касается правительства, то Егор Тимурович задал определенный уровень, подняв планку, так сказать. Ниже спуститься сегодня уже нельзя, а почему изменился уровень культуры правительства, весьма существенно отличается от того, что мы имели когда-то. В этом смысле приятельство мне интересно.

МАРСЕЛИНА (в сильном волнении). Даже женщинам из высшего общества мы выказываем уважение с оттенком насмешливости. Мы окружены обманчивым почетом, между тем как на самом деле — мы лишь забыты, наши добрые дела оставлены на то что...

Эдда ПАМФИЛОВА. Я настолько втянула развлекаться, Та черняка, которую целый год я ощущала в жизни, не дает спасиба. Бесконечные вечера у меня был приятный, когда я написала заявление об отставке, назвала ра рошла на «Нику». А так хочу только на благотворительные концерты и спектакли — по должности. Отдохнуть в полной мере мешает чувство вины: тысячи нуждающихся, голодных, а я вдруг развлекаюсь. Понимаю, что одна ни помочь не в силах, но, видимо, такой характер — забыть о них не могу. Политический ли спектакль? Мы сегодня проецируем политику даже на невинный полет кузнечика... А уж «Фигаро» рождает кучу ассоциаций — особенно сцена с судьей. Из женских же персонажей мне, пожалуй, не близок никто. Понравилась, как ни странно, Марселина — очень уж хорошая игра. Если же присмотреться внимательней к пьесе, то все интриги плетут мужчины (так им кажется), а получается все так, как хотят женщины. И мне бы очень хотелось, чтобы голос женщин, их этика были бы больше обозначены в нашей политике. Мой голос, к сожалению, не всегда бывает услышан. Но, может быть, в этом и моя вина.

РЕПОРТЕР. Тут на сцене появляется судья...

ГРАФ. Господин Бридуазон! Да вы в мантии! Ведь это же дело домашнее. Обычное городское платье и то было бы сейчас слишком торжественным.

РЕПОРТЕР. Почему граф не изменяет, что судья негр? Нет, Марк Захаров ренчеривает!

БРИДУАЗОН... Но дело в том, что я всегда так одет — форма, знаете ли, фо-о-рма! Над судьей в кургузой нафтиновке, может, кто и посмеется, а уж при одном виде прокурора в мантии невольно в дрожь бросит...

Валерий ЗОРЬКИН. Это несомненно. Вы знаете, несколько лет назад, когда еще был жив Миронов и мы с женой были очень молодые, мы на него ходили, помним ту трактовку. Теперь то, что поначалу было очень необычно, вижу — прекрасно. Фигаро — это, по-моему, вечный политический театр, который для каждой эпохи должен быть своим. И, по-моему, все здесь это понимают прекрасно — и иносказания, и напутствия, и мы даже увидели, что есть все же такое государство сегодня на сцене, где суд не политизирован...

РЕПОРТЕР (вспоминая слушания о КПСС). Ну, а как бы вы решили дело с женитьбой Фигаро?

ГРАФ. Тебе надо было бы только заняться под моим руководством политикой.

ФИГАРО. Да я не знаю... главное — прикидываться, что ты можешь предвойти самого себя: часто делать вельможу тайну из того, что никакой тайны не существует, заняться у себя в кабинете только для того, чтобы опнять перья и казаться глубокомысленным, когда у тебя в голове, что ни называется, ветер гулял: худо ли, хорошо ли разыгрывать персону, плодить изуродованных и приплюснутых изменников, расставлять сургучные печати, перехватывать письма и стараться наиизостно меня совладать убожество средств. Вот вам и вся политика, не сойти мне с этого места.

Владимир ШУМЕЙКО. Да, в реальной политике даже больше интриги, чем некоторые думают. Ведь недаром говорится: политика — это человек, который думает одно, говорит другое, а делает третье. Примерно это мы сегодня и видели — в лице Фигаро.

Лично мне до склад Фигаро бутылок. И последние время даже себя на том, что сам становлюсь очень из него похож. Приходится быть, так сказать, и двоих, и в нам (пытается перейти на монолог). Сейчас у нас так называемый «переходный период», и выбирать иногда, и приходится мало работать, не приходится. То что хочешь делать, надо делать с теми, кто есть. (Добавляет дифоса.) И перестраивать Россию, и строить новую демократию, и осуществлять экономические реформы. Поверьте, нелегко нельзя. Надо пользоваться тем, что имеешь, и бывать от каждого то хорошее, что он может дать для твоего дела.

РЕПОРТЕР. И все-таки интрига играет большую роль? Ну, например, в отношениях между правительством и Верховным Советом? Вообще — интриговать интересно?

ШУМЕЙКО. Да, на мой взгляд, интрига играет достаточно серьезную роль. Интересно делать дело, а вот может быть, не сразу, через болезненные ощущения, но в итоге на здоровом теле вырастет здоровая культура.

РЕПОРТЕР. Какая театральная школа вам ближе — скажем, советско-российская или захаровская?

ЧУБАЙС. Я должен признаться, со стыдом, конечно, что никогда особенно не любил БДТ. Его язык был для меня неродным. А родным был Ленинградский Малый драматический времени «Братьев и сестер», родной была малая сцена театра Ленсовета, любер «Комиссаржевку».

РЕПОРТЕР. А часто вам вообще удается ходить в театр?

ЧУБАЙС. Знаете, я за год не видел одного спектакля, из одного кинофильма, ни одной книжки не прочитал. Но вот прошел первый год работы, и я начал новую жизнь. Сейчас я довольно часто бываю в театре современной пьесы, с главным режиссером которого дружу, и считаю, что это один из лучших коллективов. Хотя не могу сравнивать, потому что не знаю остальных театров.

РЕПОРТЕР. Общий кругозор людей, с которыми вы работаете, вас устраивает? Грубо говоря, вам интересны эти люди?

ЧУБАЙС. Что касается правительства, то Егор Тимурович задал определенный уровень, подняв планку, так сказать. Ниже спуститься сегодня уже нельзя, а почему изменился уровень культуры правительства, весьма существенно отличается от того, что мы имели когда-то. В этом смысле приятельство мне интересно.

МАРСЕЛИНА (в сильном волнении). Даже женщинам из высшего общества мы выказываем уважение с оттенком насмешливости. Мы окружены обманчивым почетом, между тем как на самом деле — мы лишь забыты, наши добрые дела оставлены на то что...

Эдда ПАМФИЛОВА. Я настолько втянула развлекаться, Та черняка, которую целый год я ощущала в жизни, не дает спасиба. Бесконечные вечера у меня был приятный, когда я написала заявление об отставке, назвала ра рошла на «Нику». А так хочу только на благотворительные концерты и спектакли — по должности. Отдохнуть в полной мере мешает чувство вины: тысячи нуждающихся, голодных, а я вдруг развлекаюсь. Понимаю, что одна ни помочь не в силах, но, видимо, такой характер — забыть о них не могу. Политический ли спектакль? Мы сегодня проецируем политику даже на невинный полет кузнечика... А уж «Фигаро» рождает кучу ассоциаций — особенно сцена с судьей. Из женских же персонажей мне, пожалуй, не близок никто. Понравилась, как ни странно, Марселина — очень уж хорошая игра. Если же присмотреться внимательней к пьесе, то все интриги плетут мужчины (так им кажется), а получается все так, как хотят женщины. И мне бы очень хотелось, чтобы голос женщин, их этика были бы больше обозначены в нашей политике. Мой голос, к сожалению, не всегда бывает услышан. Но, может быть, в этом и моя вина.

РЕПОРТЕР. Тут на сцене появляется судья...

ГРАФ. Господин Бридуазон! Да вы в мантии! Ведь это же дело домашнее. Обычное городское платье и то было бы сейчас слишком торжественным.

РЕПОРТЕР. Почему граф не замечает, что судья негр? Нет, Марк Захаров ренчеривает!

БРИДУАЗОН... Но дело в том, что я всегда так одет — форма, знаете ли, фо-о-рма! Над судьей в кургузой нафтиновке, может, кто и посмеется, а уж при одном виде прокурора в мантии невольно в дрожь бросит...

Валерий ЗОРЬКИН. Это несомненно. Вы знаете, несколько лет назад, когда еще был жив Миронов и мы с женой были очень молодые, мы на него ходили, помним ту трактовку. Теперь то, что поначалу было очень необычно, вижу — прекрасно. Фигаро — это, по-моему, вечный политический театр, который для каждой эпохи должен быть своим. И, по-моему, все здесь это понимают прекрасно — и иносказания, и напутствия, и мы даже увидели, что есть все же такое государство сегодня на сцене, где суд не политизирован...

РЕПОРТЕР (вспоминая слушания о КПСС). Ну, а как бы вы решили дело с женитьбой Фигаро?

ГРАФ. Тебе надо было бы только заняться под моим руководством политикой.

РЕПОРТЕР (в сторону). Не понял — и зюзи почти наше российское, если французское развернуть... Хорошо было бы, если бы все закончилось вот таким мирным хлопком и прекрасной девушкой, которая дерзкой в руках знамя России. И никак не другим способом. Я весь 92-й и начало 93-го не смеялся. И именно с Бутодарем Театру; и конечно-то засмеялся я даже Захарову подсказал — ни до на афишах кляксить... Да и тех, кто давно не смеялся.

Евгений ЛЕОНОВ Марионна с обнаженной грудью с картины Делакруа в финале — это лучшее для меня свидетельство, что спектакль в политике имеет большого отношения. Захарову понадобились внешние атрибуты, чтобы хоть кого-то политизировать в зале. Фигаро, И вообще чтобы поднять бокал за правительство, которое любит культуру и понимает, что полезное в культуре. Пока в таком правительстве еще только можно мечтать, но я надеюсь, верю, что так и будет.

РЕПОРТЕР — Ав-то-ров! Ав-то-ров!

Марк ЗАХАРОВ (скромно). Спасибо, что пришли.

БОМАРШЕ (выходит на аплодисменты). Чем более мудрым и просвещенным является правительство, тем менее стесняется оно ненужным свободам слова; где каждый честно исполняет свой долг, там никому не нужно, чтобы люди скоро всем лицам, облеченным властью, вменяется в обязанность указывать злоупотребления, страх же перед ней они не испытывают, то никому у нас не приходит в голову ее уничтожить. Тем более что это составляет предмет иной гордости за рубежом и что, по крайней мере, в этой области мы можем достигли первенства, мне тем как в другие областях мы этим похвалиться не можем.

Занавес

Зе сдечей что-то видел...

РЕПОРТЕР (прощально). Сдать курс рубля...

В роли Репортера Алексей ШИРВИНДТ, Елена ЯКОВЛЕВА. Фото Алексея БЕЛЯЕВА и Владимира БОГДАНОВА, Пастелиста в центре Юрия СОЛОМОНОВА.

В пьесе использованы документы из протоколов заседаний президиума, материалы VII Съезда народных депутатов и интервьюсы.

В массовых сценах заняты лица, не правительства, их подлинные фамилии, имена, отчества — в конце года.

Выражаем благодарность Елене Ивановне ЕРИНОЙ, помощнику Министра безопасности Виктору Ивановичу ЕРИНУ, Виктору ЛОБОВУ, Виктору МИХАЙЛОВУ и другим, чьи имена здесь не проставлены.